

нежеланности, притягивания/непритягивания жизни располагаются многообразные модальные смыслы: любовь – нелюбовь, отвращение – восхищение, утомление, изумление и др.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: учебник. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

2. Бунин И. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Худож. лит., 1987 – 1988.

3. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.

4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Акад. проект, 2001.

Concept sphere “life” realization methods and means in the prose by I.A.Bunin

There is suggested the analysis of the concept sphere “life” in the prose by I.A.Bunin. There is regarded the writer’s conceptual world picture, as well as linguistic interpretation, concept representation methods and means.

Key words: *concept, concept sphere, conceptual world picture, life, linguistic culturology.*

Н.П. КРОХИНА
(Шуя)

КОСМОГОНИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ СОФИИ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Софийные смыслы неотделимы от космических и эсхатологических коннотаций, которые наиболее полно воплощаются в поэзии Серебряного века.

Ключевые слова: *софийный космос, мироприятие, архаисты, модернисты, поэтическая апокалиптика.*

Особая синтетичность отечественной литературной традиции XIX в. порождает проблему софийного видения человека и мира. Это способность видеть в каждой вещи ее софию, мудрое, божественное, ме-

тафизическое предназначение или измену этому назначению, своему пути. Поиски синтетического миропонимания определяют культуру Серебряного века, порождая ключевые концепты эстетики эпохи: символическое и мифопоэтическое обоснование искусства, софийность искусства, красота как всеобщая связь всего со всем, музыка как сущность мира и др. Поиски целостности вызвали расцвет поэтической культуры и ее мифопоэтический строй. Основное содержание мифа – космогония и эсхатология. Софийные смыслы неотделимы от космических и эсхатологических коннотаций, которые наиболее полно воплощаются в поэзии Серебряного века.

Поэзия певца Вечной Женственности и Софии Вл. Соловьёва парадоксально не содержит возвышенного софийного женского образа, столь характерного для классической литературы XIX в., связанного с топосом усадебной жизни и христианским кенотизмом, воплощающего в миру высшие христианские заповеди. Любимая женщина у Соловьёва является падшей Софией. Гностическая София, подверженная катастрофам и падениям, обозначает переход к поэзии Серебряного века. Вечная София Соловьёва – это космологизированная и божественная реальность: вселенская церковь, Дева Мария, Земля-владычица. В поэзии Соловьёва начинается переход от софийных прозрений русской классики к софиологии и мифопоэтике Серебряного века.

В теургической поэзии Вл. Соловьёва, в которой доминирует всемирно-универсальное, божественно-абсолютное, софийная тема редуцирует мировой и личный катастрофизм. В своем христианском космолизме (восходящем к софийному мироощущению Достоевского) Соловьёв сочетает античную героиню с христианской апокалиптикой. Поэт становится творцом софийного космоса, нового мира любви и свободы. «Вселенское христианство» Соловьёва органично сочетает универсализм и космолизм с православно-софийным мироприятием. Подобный «сверхчеловеческий метакозмосизм» [1, с. 106] по-разному будет определять поэтические миры К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Б. Пастернака.

Русских поэтов и писателей в их отношении к Софии можно разделить на «архаистов» и «модернистов». Это деле-

ние сравнимо с цветаевской типологией: «поэты без истории» и «поэты с историей» [2, с. 398]. Творчество «архаистов» связано с особой детскостью, первозданной чистотой их поэтического мировосприятия. Это создатели целостного поэтического космоса, утвердители светлого космизма (космотеизма) с их доминирующим всерадостным «Да» миру и жизни, поэты лиро-эпического склада. Такова поэзия Вяч. Иванова, К. Бальмонта, Б. Пастернака. Софийное время, преображенный космос, единство великого и малого обретают свою реальность. Целостная поэтическая софиология – одна из реалий Серебряного века. Она связана прежде всего с исполнением романтического завета о создании поэтом собственного поэтического мира, поэтической вселенной, способной сочетать полярности. Поэт наделен мифопоэтическим даром примирения противоречий. Художник начинает моделировать реальность, наделяя свое творение онтологическим статусом, утверждая автономный мир искусства, в котором действуют законы гармонии.

Светлый, софийный космизм выделяет Бальмонта среди его современников. Истоки этой редкой цельности его поэзии связаны с природенной детскостью души поэта, сохранившей связь с софией усадебной жизни. Как никто из своих современников, Бальмонт свободно синтезирует в своей поэзии черты всех новых художественных движений своего времени (будучи «поэтом без истории») – символизма, импрессионизма и модерна. В бальмонтском мифе о «стихийном гении» с утренней, светлой душой сочетаются романтический пантеизм и артистизм модерна. В поэзии К. Бальмонта, неотделимой от органицизма модерна и романтико-пантеистической традиции, в поэзии Б. Пастернака, связанной с авангардным обращением к праимфологическому детству мира, обозначается переход к витальной онтологии целого, отсылающей к архаическим и восточным традициям, ветхозаветному космотеизму (мир как творение Божие) и просветленной апокалиптике преображения – новой жизни.

Как никто из своих современников, Вяч. Иванов, блестящий знаток и почитатель эллинской культуры, в своем поэтическом творчестве близок к важнейшему замыслу своей эпохи – эллино-христианскому синтезу, который, в частности, воплощает идея Софии. В поэзии Вяч. Иванова обнаруживается целостная

поэтическая софиология, истоки которой гораздо глубже, чем в поэзии Бальмонта (артистизм и органицизм модерна, пантеизм, детскость души). Назначение поэта, по Иванову, – «славить мир», видеть вещи в их божественной славе. Поэт, ведомый вечной Софией, в земном прозревает вечное, душу вещей: раскрывается исихия родной природы, храмовость мира. Восторженное чувство бытийности, открываемое на мгновение народным праведникам Достоевского, переполняет эту поэзию. В пастернаковской софиологии детства зарождается софиология жизни как важнейший завет русской литературы. Мир становится обживаемым домом в этой поэзии, которая соревнуется со свежестью и игрой жизни. Поэтам без истории свойствен особый онтологический дар переживания мира как тайны, живой культурно-исторической памяти и символической причастности к тайной жизни природы. Их роднит чувство бытийности, радостного благоговения перед чудом жизни. Смысл их поэзии – в словах Бальмонта «благословляю бытие».

Но дух переходного времени больше определяет творчество «модернистов», поэтов лиродраматического и трагического склада, с их напряженным антиномизмом мироотношения, трагической раздвоенностью. Эта двойственность есть уже в поэзии А. Пушкина, о чем писал С. Франк и что в наше время обстоятельно исследовал В. Непомнящий. Антиномии мироотрицания и мироприятия, хаоса и преображенного космоса трагически сталкиваются в творчестве Ф. Тютчева и Ф. Достоевского – духовных учителей Серебряного века. Ощущение катастрофичности мира нарастает в литературе XX в., экзистенциально-эсхатологические темы занимают все больше места в творчестве А. Блока, Г. Иванова, М. Цветаевой, М. Булгакова.

В поэзии А. Блока софийная тема не противостоит катастрофическому чувству жизни (как у А.С. Пушкина или Ф.И. Тютчева), не редуцирует мировой и личный катастрофизм (как у Вл. Соловьёва или Вяч. Иванова), но углубляет его и сама становится катастрофичной. Именно Блок вводит в русскую литературу тему Софии, подверженной катастрофам и падениям. Его космическая София, чуткость к расколам и раздвоениям Мировой души, национальной психеи рождает двойственное отношение к мировым явлениям. «Гностицистическая София» Блока означает не только

теургическую основу творчества – тему несвершенного подвига освобождения мировой души (Д.М. Магомедова), но и более широкий круг явлений – космическую Софию, тему двойственной Мировой души. Открытие бесконечного, релятивного мироздания составляет основное содержание блоковской поэзии. Это открытие, определяющее пути искусства Нового времени, создает и в поэзии Блока антиномические отношения человеческого и космического, антропного и божественного. Из интуиции космической Софии, подверженной катастрофам и падениям, Блок создает богатейшую неомифологию метаморфоз хаосогенной Мировой души. Все двойственное в мире Блока, сопрягающем верность и измену, спасение и гибель, радость и страдание. Воплощением двуединства полярностей блоковского космоса становится двойственная героиня его поэзии: софийная героиня превращается в носительницу стихии, а в стихийной героине возможно пробуждение софийных смыслов. Катастрофизм эпохи воплощается в софии Голгофы, крестного пути поэта, софиологии смерти, заявленных в антиномизме поэзии А. Блока: *Донна Анна в смертный час твой встанет; Вспоенная твоею кровью, / Созреет новая любовь; Впереди – Иисус Христос.* Как никто из своих современников, он творчески претворяет завет Вл. Соловьёва о диалоге поэта с мировым женственным началом. Именно поэт способен воплотить, увидеть образ Божий и вместе с тем образ бытийно-космический в конкретном женском лице. Мистерия и трагедия этого диалога, раскрывающего мировую двойственность, трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего создают уникальный религиозно-художественный мир Блока.

«Души бессмертный дар» определяет завораживающую магию и энергетику цветаевского творчества. Здесь нет границ между личной и мировой душой. Поэтический миф М. Цветаевой – не трагическое блоковское раздвоение между спасением и гибелью, но драма осуществления души, наперекор всему, в ее природной полноте и антиномичности, гордыне и самоотдаче. «Двуединая суть» этой поэзии сочетает жизнь и смерть, мужское и женское, дух и плоть, небо и землю. Душа в своей многосоставности и всемирности нейтрализует все различия, создающие классический поэтический космос. Архаическое тайновидение души ба-

зируется на изначальной, первичной и самой жесткой оппозиции в истории культуры – «свое – чужое». Острейшее сознание падения мира определяет цветаевское творчество: мир выпал из своего первоизданного, целостного состояния. Самодостаточность и самоотверженность души в цветаевской поэзии находят свое наиболее полное воплощение в темах детства и материнства. Материнская любовь – абсолют этой поэзии. Только эта любовь окончательно делает другое своим. Страстное материнство Цветаевой глубоко архаично и связано с образами Матери-Земли, образами защиты и возврата к истоку жизни и смерти.

Ретроспективизм, заложенный в природу поэтического дара Г. Иванова, предопределял экзистенциальный ретроспективизм его эмигрантской лирики, когда поэт, теряя все, обретает способность говорить от лица своего поколения. Жизненная катастрофа превращает Г. Иванова в поэта, экзистенциально чуткого к антиномическим первоначалам человеческого существования. Он становится продолжателем Блока в его двойственном мироотношении, создавая собственную софиологию отчаяния. Восстанием из жизненной катастрофы становится творческая победа, слово, открытое бесконечному бытию. Само отчаяние становится последним приютом, обживаемым домом. Мир собирается в единое целое – из осколков, мелочей, пустяков. И этот процесс поэтического собирания мира, творения из ничего противостоит мировой энтропии.

Софийная тема свидетельствует о глубинном расколе национальной психеи, что сближает «солнечного» Пушкина с «метельным» Блоком. Счастье главных героев остается возможным (софийным) сюжетом русского романа в силу этой расколотости, утраты жизнью своей софийной основы. Русская классическая литература возвышает софийный женский образ, как правило, связанный с усадебным топосом или фольклорной (сказочной – Аглая Достоевского, песенной – Катерина А.Н. Островского) традицией, хранительницы в миру христианских основ жизни. В эпоху Блока раскол углубляется, женский образ становится гностически расколотым и катастрофичным. Полнота софийной темы связана с лиро-эпическим даром художника, способностью к творческому синтезу, поэтизации обыденного («дачная» поэзия Пастернака). С другой стороны, софийная

тема обозначает переход от традиционно-христианского сознания к напряженно-экзистенциальному переживанию христианства, апокалиптическому христианству. Софиологические мотивы тесно связаны с обострением экзистенциальных проблем в русской литературе. Чем ближе к Серебряному веку, тем явственней размытие религиозно-сакральных и антропных смыслов XIX в., переход к витальной онтологии целого и экзистенциально-катастрофическим темам.

В русской литературе XIX – начала XX в. совершается переход от антропоцентризма (тема крушения гуманизма) к онтологизму, или антропокосмизму, божественно-космическое начинает доминировать над человеческим, человек становится частью целого. Каждый писатель, создавая свой неповторимый авторский мир и миф, творил собственный образ мира, погружая человека в поток бытия, могучее течение жизни. В этом космически-онтологическом мироощущении сочетаются христианская традиция (православный онтологизм – доверие к сотворенному миру и апокалиптические замыслы его преобразования), языческое почитание Матери-Земли и восточная (а также архаическая) философия двуединства полярностей (явленного – сокровенного, конечного – бесконечного), воплощенная в символическом миропонимании. Проявлением этого божественно-космического восприятия реальности становятся культ Вечной Женственности, диалог с мировым женственным началом: богоявление Софии в поэзии Вл. Соловьёва, трагическая любовь героев И. Бунина, несоизмеримых с этим океаном бытия, стихия и музыка в мире А. Блока, метаморфозы души в поэзии М. Цветаевой и Г. Иванова, «сестра моя – жизнь» Б. Пастернака. Процесс творчества выходит за пределы художественных форм и соединяется с бытием. В мире, где хаос более вероятен, чем порядок, и идет острая борьба созидания и разрушения, человек призван к созиданию порядка из хаоса, спасению жизни, творению софийного космоса. Софийные смыслы ставят задачу сочетания, свободного синтеза полярных начал.

Литература

1. Крохина Н.П. А. Блок – К. Бальмонт: два поэтических синтеза // Вестн. Вят. гос. гума-

нит. ун-та. Сер. : Филология и искусствоведение. 2009. №3(2).

2. Крохина Н.П. Космическая София Александра Блока // Синтез в русской и мировой художественной культуре : материалы 7-й науч.-практ. конф. памяти А.Ф. Лосева. М. : МПГУ, 2007.

3. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.

4. Океанский В.П. Поэтика пространства в русской метафизической лирике XIX века. Иваново, 2002.

5. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1995. Т.5.

Sophia cosmogony and eschatology in Silver Age poetry

Sophistic meanings are inseparable from cosmic and eschatological connotations that are fully realized in the Silver Age poetry.

Key words: *sophistic cosmos, world perception, archaists, modernists, poetic apocalyptic.*

С.А. ХОМЯКОВ
(Москва)

«ПРОСТРАНСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ» В «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ» А.А. АХМАТОВОЙ

Петербург привлекал многих поэтов не только с урбанистической точки зрения, но и как город, впитавший множество легенд и событий и «видевший» большие социальные перемены. Петербург – мифический город, который имеет определенные стадии существования. Именно в изображении А.А. Ахматовой город получил окончательное завершение, впитав черты других Петербургов, изображенных в литературе ранее, от А.С. Пушкина до А. Блока.

Ключевые слова: *художественное пространство, Петербург, «Поэма без героя», топос.*

Итоговым, завершающим произведением А.А. Ахматовой стала «Поэма без героя», где наиболее полно реализовался ее метод («Ничто не сказано в лоб» [1, с. 243]). Особенность художественного мастерства